

М. Р. Проскуряков¹

ОБРАЗ «ВРАГА» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Оппозиция «свой–чужой» является основополагающей в характеристике сложных, социальных и политических объектов в периоды кризиса и войны. Данная антитеза создает возможность представления идеологии как противопоставленных друг другу контрарных начал. В сфере политических и социальных исследований она обладает значительным методологическим потенциалом, применима в развернутой и всеобъемлющей форме для интерпретации концептуальной картины мира, разорванной географическими рамками, идеологией, политическими противоречиями.

Оппозиционность и агрессивная противоречивость политических идей начала XX столетия нашли выражение в масштабном дискурсе, представленном в чередовании кровавых событий и политических текстов. Для политической действительности России XX столетия именно оппозиция «свой–чужой» послужила универсальным механизмом развертывания социальных и культурных смыслов. Исследователи революционной и советской эпох назвали совокупность идей и событий, воплощенную в текстах, дискурсом.

Дискурс — речь, погруженная в жизнь, сами политические идеи и создаваемые ими события революции и Гражданской войны. Понятие дискурса возникает именно в связи с событиями и смыслами периода социальных революций и катастроф. Главным свойством дискурса как политического явления называют оппозиционность, поскольку противоречие между «своим»

и «чужим», соратником и врагом является основным механизмом порождения политических событий. Такая тотально идеологическая модель дискурса оказывается успешной, например, при интерпретации дискурса СМИ военного времени, не имеющего аналогов по концентрации фактов оппозиционных отношений.

От подготовки октябрьского переворота и до сложения Советского государства технология «образа врага» стала источником политических событий и культурных смыслов эпохи. В различных системах социального устройства с успехом применялась формула «разделяя, властвуй». Данная технология позволила многократно усилить и ускорить действия политического переворота и в царской России.

Поиск и уничтожение врагов внутри страны лавинообразно увеличивали количество «своих», сторонников, поскольку основной политической задачей охоты на врагов является не уничтожение и подавление несогласных, а существенное и интенсивное увеличение числа лояльных. Приблизительно известно количество жертв Гражданской войны, террора, политических репрессий. Однако не сосчитаны те, кто присоединился и выжил, став «своим».

Дискурс Гражданской войны еще «не остыл», сохраняет колоссальный эмоциональный заряд смертной боли и ненависти миллионов русских людей. Попытка осмыслить забытый опыт их борьбы и гибели — едва ли не самый важный результат современной исторической и философской мысли. Ее выводом стало представление об «образе врага» как универсальной технологии дискурса и любой оппозитивности как свойстве

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Смысл текста как самоорганизующаяся система», «Концептуальная структура текста» и др.

идеологии, проявляющемся в отношении неприятия/приятия с позиций противодействия. К подобным выводам приходят и те, кто начал осмысливать сравнимые с трагедией Гражданской войны последствия перестройки.

Марксизм — всего лишь колоссально успешная спин-технология. Политический террор и классовая борьба стали технологией устрашения, позволившей добиться легитимности диктатуры. Собственно, все учение Маркса, доработанное большевиками в увлекательной и прагматичной форме, есть описание поиска, опознания и уничтожения врага. Поиск, опознание и уничтожение врага стали для советского человека повесткой дня, а для советского государства — наиболее эффективным способом поддержания легитимности диктатуры. Обнаруживая, узнавая и уничтожая врагов, человек XX века становился все более лояльным и устрасшим. По мере роста страха и лояльности исчезли многие свойства души и признаки российской культуры. Страх и уничтожение «чужих» позволили создать миллионы «своих».

В конце прошлого столетия с изменениями в российской действительности технология «образа врага» устарела, и ей на смену пришли более современные «гуманные» спин-технологии. В начале 1990-х годов в политическом процессе новой России мы еще наблюдали инерцию применения «образа врага» в чистом виде. Политики тех лет использовали эту технологию в противопоставлениях «мы—они», «свои—чужие», «наши — не наши», «враги—друзья», поляризуя картину мира. Политический дискурс 1990-х отдаленно напоминает дискурс революционной России начала XX века именно присутствием антиномий, противоречивых, борющихся идей и творческих решений.

Уже с начала 2000-х годов мы наблюдаем плавное выравнивание политического дискурса, который становится все более единообразным и аморфным.

Следует отметить, что технология создания «образа врага» является по преимуществу атрибутом военного времени, предполагает эскалацию конфликтных стратегий на всех уровнях внешней и внутренней политики. Данная технология в наши дни используется как составная часть формирования геополитического процесса.

В сфере внешней политики Россия не применяет слово «враг» по отношению к другим участникам мировой политики. Даже слова «конкурент» или «оппонент» не применяются к давним «врагам» России. В критические моменты международной политики, в ходе острого противостояния Россия, называя своих оппонентов, пользуется термином «партнер». Геополитические векторы противопоставления «свой—чужой» проходят через регионы, по которым возможен транзит углеводородов с Ближнего Востока и из Средней Азии на европейский рынок. Стоит наложить политическую карту «оранжевых революций» на карту месторождений и маршрутов нефте- и газопроводов, и все становится ясно. Основная ось дискурса борьбы пролегает через страны, по которым возможна или осуществляется транспортировка энергоресурсов в страны Евросоюза.

Технология создания «образа врага» входит в пакет услуг «оранжевых революций», ставших международным геополитическим проектом. Россия не вмешивалась в события политических переворотов и смены власти в Сирии, Грузии, Турции, Югославии, Ливии, Египте, однако, очевидно, и не считала данные политические события направленными против своих интересов. В большинстве случаев последствия «оранжевых революций» не ослабляли эти позиции, а лишь перераспределяли и проясняли сферы влияния в регионах. Таким образом, «оранжевые революции» представляют собой механизм тактического перераспределения контроля ресурсов. Кто бы ни инициировал передел политической власти в ходе «оранжевых» переворотов, чьими руками ни выполнялся бы этот передел — в его результатах всегда заинтересованы несколько разнонаправленных сил. Россия и США — враги в недавнем прошлом, как это ни удивительно, сегодня находят общий язык в выстраивании новых осей геополитического влияния.

Возможно, сегодняшнее «партнерство» через десятилетия обернется противостоянием, но пока интересы России представлены в «оранжевых» странах. Данное предположение подкрепляется недавними событиями на Украине. «Свои» и «чужие» политические силы существуют в этом регионе уже столетия без каких-либо перспектив найти общий язык. Разделенная мощным тектоническим разломом между Западом и Востоком, Украина никогда не была устойчивым политическим образованием. В условиях кризиса поддерживать целостность этого государства стало невозможно. Кроме того, система транспортировки и распределения энергоснабжителей превратилась для Украины и некоторых европейских государств в основной инструмент противостояния интересам России. Созданная в годы холодной войны украинская система газо- и нефтепроводов морально и технологически устарела, стала для России камнем преткновения на пути к европейским рынкам. Газовые проекты минувшего и текущего десятилетий, в которые Россия вложила сотни миллиардов, создали более эффективные, дешевые пути. Судьба Украины была предрешена уже несколько лет назад. События последних месяцев — Евромайдан — были призваны в мягкой, ненасильственной форме перераспределить сферы влияния России, США и европейских государств в регионе. Однако вмешательство некоторых маргинальных политиков в государственный переворот послужило катализатором гражданской войны. Как можно наблюдать на определенных примерах, «оранжевые революции» применяют технологию «образа врага» на короткий промежуток, в локализованном политическом пространстве, для реализации относительно точных «хирургических» вмешательств и являются, по сути, альтернативой гражданской или мировой войне. Внешняя нейтральность России к происходящим событиям мировой политики является следствием продуманной и успешной геополитической стратегии.

Успешная внешняя политика, позволившая России сосредоточить значительные финансовые ресурсы, вылилась в серьезные неудачи в государственном строительстве и модернизации экономики. В современной

политике нет «своих» и «чужих», легитимная власть не имеет врагов. В борьбе с нелояльными олигархами в начале минувшего десятилетия ни один из них не стал «врагом государства», не был признан политической силой или авторитетом.

По сути, минувшее десятилетие ознаменовалось незаметным переделом собственности олигархических элит. В ходе огосударствления экономики нелояльные регионы, финансовые группы и бизнесы получили новых руководителей (по преимуществу военных) и новые векторы развития. Этот передел не всегда проходил мирно, но ни один из его участников так и не стал врагом, соперником, политическим оппонентом. Напротив, о большинстве никто так и не узнал, а самые непокорные были повержены на поприще, которое считали для себя наиболее успешным и безопасным. Сегодняшний бизнес демонстрирует лояльность легитимной власти во всех государственных начинаниях.

Получив колоссальные средства на модернизацию экономики и социальной сферы, государственный аппарат сам стал распределителем и потребителем этих ресурсов. Когда отяжелевшая бюрократическая структура потеряла возможность роста внутри экономических псевдопроектов и определенных законом границ, бюрократия начала экспансию в социальную сферу. Примером может служить система образования, которую бюрократия поглотила, сделав государственные университеты частью правительства и уничтожив сотни вузов под предлогом оптимизации. Следующими в орбиту бюрократической экспансии попали СМИ, которые, утратив большинство журналистских функций, стали выполнять задачи государственного подразделения по связям с общественностью.

Создание «образа врага» создает существенные пробелы в генетической памяти. Наши деды и прадеды, остро ненавидевшие друг друга на полях Гражданской войны, не передали свою ненависть потомкам: современное поколение равнодушно и к «господам офицерам», и к «комиссарам в пыльных шлемах». Однако Гражданская война начисто стерла память сословной принадлежности. Современник не знает себя в пределах двух-трех поколений, и некому рассказать ему

о «своих». История российской культуры как научная дисциплина напоминает бульдозер на старом кладбище.

В современном информационном пространстве отсутствует необходимость применения «черно-белых» технологий прошлого. «Свои» и «чужие» опознаются с помощью методик исследования массовых аудиторий. Такие системы анализа массовых аудиторий, как «Google Analytics» или «Яндекс-метрика», позволяют с абсолютной точностью определить содержание интересов, политических убеждений, поведенческих предпочтений и других параметров. Мир перестал быть черно-белым, и для каждого из многих оттенков есть свой Facebook и свой Майдан.

Технология исследования портретных изображений «Google Faces» позволяет, загружая в компьютер «лица», искать подобные или идентичные среди изображений, хранящихся в Интернете. Исследование фотографий дореволюционной России фактически не выявляет сегодняшних соответствий: предъявляя фотографии современников, можно найти сотни похожих и подобных, фотографии же людей начала прошлого века система не ассоциирует ни с кем. Вероятно, этот фотографический дискурс с изображениями аристократов, князей, купцов, офицеров, крестьян, солдат, чьи лица преисполнены внутренним достоинством, уверенностью, благородством, — единственное, что осталось от тех, кого культурный современник желал бы назвать «своими». Стертые через несколько лет Гражданской войны эти лица — редкий культурный опыт опознания и созерцания «своих».

Напротив, только тот «образ врага», который возникает вне родной культуры, может передаваться по наследству, храниться в культурной памяти десятилетия. Так, некоторым россиянам знакомо беспричинное чувство страха перед немецкой речью, чужие образы горящих городов и разрушений, чувство горя и утраты из другого времени, из опыта ушедших близких. Война создает «образы врага», которые могут дремать многие десятилетия и стираются лишь новой войной: «И часто, спеша к трамваю / Иль над книгой лицо склоня, / Вдруг слышу ропот огня — / И глаза закрываю» (В. Ф. Ходасевич).